

НАБОКОВ И СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА («ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»)

А. А. Долинин

(Мэдисон / С.-Петербург)

Для писателя, всю жизнь строившего образ олимпийца или небожителя, которого не волнуют политика, история и мелкие дрязги литературных бездарей, Набоков знал презираемую им советскую литературу очень даже неплохо. Дважды, в 1925 году по-русски и в 1941-м по-английски, он писал большие обзоры советских литературных новинок (см.: Набоков 2001: 9–23; Набоков 2017b: 49–59; Nabokov 2019: 159–163), а в 1930 г. опубликовал остроумное эссе «Торжество добродетели», в котором задолго до Катерины Кларк указал на формульный характер советской прозы, напомнившей ему средневековые «бесхитростные мистерии и грубоватые басни» (Набоков 1999–2000, 2: 683–688). Судя по всему, до отъезда за океан он постоянно следил за советскими журналами и новыми книгами, поступавшими в берлинские и парижские библиотеки и русские книжные лавки (замечу кстати, что в берлинском «Руле» и других эмигрантских газетах нередко перепечатавали произведения советских авторов – Зощенко, Лидина, Маяковского, Новикова-Прибоя, Пантелеймона Романова и мн. др.). Так, в письме матери от 25 февраля 1931 года он сообщает:

В «Красной Ниве» отрывок из нового романа подлеца Толстого, – называется «Черное золото», там фигурирует, разглагольствует об интервенции на нескольких страницах, с Денисовым, Львовым и Стаховичем, попивая ликеры и покуривая сигары, дядя Костя («...бледное, с черными волосиками на губе и подбородке, по-английски спокойное лицо Набокова выражало величайшее внимание к собеседникам ... Набоков, стоявший с чашечкой кофе у камина, наклонил голову... и т. д., и т. д.»)¹.

¹ Vladimir Nabokov. Outgoing Correspondence. Nabokov, Elena Ivanovna. – The New York Public Library. The Henry W. and Albert A. Berg Collection. Vladimir Nabokov Papers. Manuscript Box.

Годом раньше, объясняя Берберовой, что в эссе «Торжество добродетели» он имел в виду лишь «заказную» советскую литературу, а не таких талантливых «попутчиков», как Олеша, Набоков неожиданно заметил: «Среди поэтов есть Колычев, написавший изумительную поэму о комбриге, о Котовском» (Письма 2017: 228). Здесь Набоков явно попал впросак, потому что не лишенное некоторых достоинств стихотворение «Котовский в Баварии», написанное в манере Багрицкого и напечатанное в «Новом мире» (1927, №11), было единственным литературным достижением бездарного халтурщика Осипа Колычева (псевдоним Иосифа Сиркеса), который явился прототипом Никифора Ляписа-Трубецкого, автора бессмертной «Гаврилиады» в «Двенадцати стульях» (см. об этом: Щеглов 2009: 262). Впоследствии Колычев будет зарабатывать себе на безбедную жизнь сочинением песен «Баллада о Сталине», «Сталин родной», «Святое ленинское знамя» и т. п., но по одному стихотворению предугадать это было невозможно.

Что могло понравиться Набокову в этом стихотворении, легко догадаться, ибо в нем фантазия ребенка, начитавшегося Шиллера, отправляет легендарного красного комбрига (к 1927 году его уже не было в живых; он был убит при странных обстоятельствах в 1925-м) в балладно-театральную Баварию XVIII в., где тот, как Наполеон в известной балладе Цедлица-Жуковского, созывает мертвых героев:

Сон нейдет...

Сон нейдет...

Душно в комнате, как от угара...

Входит красный комбриг

в золотое землячество лип

И звенит, и свистит,

и аукает старого Карла...

– Подымайся, браток, подымайся, Карлуша...

Пора!...

Кличет красный комбриг

по зеленым баварским просторам.

революции. Именно он любит восклицание «амба», перед революцией изучает большевистскую политграмму, читая «разные книжки», во время гражданской войны влюбляется в партизанскую атаманшу Лельку, «бабу красоты писаной», спит с ней к неодобрению комиссара, а затем отправляет на расстрел, когда она предает революционное дело.

Советские писатели дважды появляются в русских рассказах Набокова как персонажи. Среди сотрапезников Фердинанда, веселящихся в парижском кафе («Весна в Фиальте»), сидит «молодцеватый советский писатель с ежом и трубочкой, свято не понимавший, в какое общество он попал» (Набоков 1999–2000, 4: 572) – по-видимому, гибрид Максима Горького, в 1920–1930-е годы стригшегося ежиком³, и Ильи Эренбурга с его неизменными трубками.

«Рождественский рассказ» (1928), действие которого происходит в СССР, выдает неплохое знание советской литературной политики и, главное, роли партийно-чекистской литературной критики. Главный его герой – маститый писатель среднего поколения Дмитрий Дмитриевич Новодворцев (ему около 50 лет) «с прочной, но тусклой славой» (Набоков 1999–2000, 2: 531) и собранием сочинений в шести томах с портретом. Он дебютировал в литературе еще в 1900-е годы; ставит себя в один ряд с Горьким и Чириковым⁴ и гордится добрым отношением Короленко; у него революционное прошлое: «бывал арестован; из-за него закрыли одну газету» (Там же: 534). Одним словом, это сборный шарж на оставшихся в СССР и близких

³ Короткую стрижку Горького отмечали многие мемуаристы. См., например, в воспоминаниях Юрия Германа о встрече с Горьким: «Он развеселился, мотнул стриженной ежиком головой, глаза его зажглись» (Герман 1980: 615). Ю. Анненков отметил изменение облика Горького еще в предреволюционные месяцы: «Внешне Горький сильно изменился. Он не носил теперь ни черной косоворотки, ни смазных сапогов, одевался в пиджачный костюм. Длинные, спадавшие на лоб и на уши, волосы были коротко подстрижены ежиком» (Анненков 1966: 31). Возможен также намек на Ежова и Сталина.

⁴ С Е. Н. Чириковым Набоков познакомился в Чехословакии, когда навещал мать. В письме В. Е. Слоним, будущей жене, от 18 августа 1924 г. он рассказывал: «А в Мокропсах (такая есть деревушка) стоял на веранде Чириков, маленький, в русской рубахе. Совершенно бездарный старичок» (Набоков 2017а: 79).

к власти писателей-реалистов второго ряда вроде Ивана Вольнова, Федора Гладкова или Сергея Сергеева-Ценского. У всех троих, кстати, в 1927–1928 гг. выходили многотомные собрания сочинений⁵.

В гости к Новодворцеву (примета времени и индикатор его статуса: он живет в коммунальной квартире) приходят начинающий молодой толстолицый «угрюмый истовый сочинитель из крестьян» Антон Голый (адъективный псевдоним образован по модной в СССР 1920-х годов модели, восходящей к Максиму Горькому и Демьяну Бедному; ср.: Михаил Голодный, Александр Ясный, Артем Веселый, Андрей Скорбный, Борис Бездомный и т. п.)⁶ и его «пестун», влиятельный критик из журнала «Красная явь» (прозрачный намек на «Красную новь», откуда в 1927 г. выгнали оппозиционера и защитника попутчиков А. К. Воронского), «костлявый, расхлябанный, рыжий человек, страдающий, по слухам, чахоткой» (Набоков 1999–2000, 2: 532). Цвет волос здесь указан едва ли случайно, потому что многие коммунистические вожди были рыжеволосыми, а двое из этого «союза рыжих» (*The Red-Headed League*) – Бухарин и Радек – по совместительству занимались литературной критикой.

К своему высокомерному гостю Новодворцев относится как к большому начальнику, чьего расположения он ищет, и безропотно

⁵ Предположение Е. Д. Толстой, считающей, что прототипом героя рассказа послужил А. Н. Толстой, представляется безосновательным (см.: Толстая 2017: 478–488). В отличие от «красного графа», вошедшего к концу 1920-х годов в сонм литературных генералов, хотя он и чурался пролетарских тем, Новодворцев, писатель пролетарский, не слишком высоко котируется у литературных начальников и тяжело переживает их отказ устроить ему чествование по случаю двадцати пяти лет литературной деятельности.

⁶ Подробнее см. об этом: Шруба 2018: 163–168. Манфред Шруба цитирует фельетон Гулливера (в данном случае, скорее всего, Ходасевича) «Адъективизм», в котором говорилось: «В память и в честь Максима Горького и Демьяна Бедного, на лице словесности, один за другим, точно волдыри, повыскакивали адъективные псевдонимы, которых носители уподобились нищим, обнажающим, ради промысла, свои уродства и язвы: страницы советских журналов покрылись подписями **Голодного, Бездомного, Безродного**. Нашелся один такой, что, не пощадив матушки своей, назвался **Приблудным**. Окончание гражданской войны и торжество агитационной словесности были ознаменованы появлением Артема **Веселого**» (Гулливер. Адъективизм. – Возрождение. 1935. № 3837. 5 декабря).

принимает от него «социальный заказ» – написать социалистический «рождественский рассказ», в котором отразилось бы «столкновение двух классов, двух миров»: «И что-то новое, неожиданное стало грезиться ему. Европейский город, сытые люди в шубах. Озаренная витрина. За стеклом огромная елка, обложенная понизу окоороками; и на ветках дорогие фрукты. Символ довольствия. А перед витриной, на ледяном тротуаре... И, с торжественным волнением, чувствуя, что он нашел нужное, единственное <...> он принялся писать. Он писал о дородной елке в бесстыдно освещенной витрине и о голодном рабочем, жертве локаута, который смотрит на елку суровым и тяжелым взглядом» (Набоков 1999–2000, 2: 535). Сам того не понимая, Новодворцев перелицовывает на классовый лад расхожий мелодраматический сюжет, который Е. В. Душечкина, описавшая его, назвала «Чужая елка»: бедный замерзший и голодный ребенок смотрит через окно на праздничную елку (см.: Душечкина 2012: 171–182). Творческое воображение просыпается в нем лишь однажды – не тогда, когда он пишет эту дребедень, а когда его посещает мимолетное воспоминание о старых временах, от которого он «с досадой отворачивается»:

Он скользнул обратно к образу елки – и вдруг, ни с того ни с сего вспомнил гостиную в одном купеческом доме, <...> и елку в гостиной, и женщину, которую он тогда любил, и то, как все огни елки хрустальным дрожанием отражались в ее раскрытых глазах, когда она с высокой ветки отрывала мандарин (Набоков 1999–2000, 2: 535).

Эта ненаписанная Новодворцевым фраза с искусной аллитерацией («дрожанием отражались») и ямбическими вкраплениями резко противопоставляется той банальной рождественской сказке навыворот, которую он из себя выжимает⁷.

⁷ Е. Д. Толстая усмотрела в образе огней рождественской елки, отражающихся в глазах, отсылку к неуклюжей фразе из «Детства Никиты» А. Н. Толстого: «Она [девочка Лиля, которая нравится Никите] дала ему руку и продолжала глядеть на свечи, в синих глазах ее, в каждом глазу, горело по елочке» (Толстой 1982: 240; Толстая 2017: 484). Однако еще до Толстого тот же образ и в том же елочном контексте

*

Наибольший интерес, однако, вызывают не прямые отзывы Набокова о советской литературе, а разнообразные отражения прочитанного в его собственной русской прозе – цитаты, реминисценции, заимствования, полемические ответы, пародии и то, что Омри Ронен назвал анти-пародиями (см.: Ronen 2015: 263–273; Ронен 2000: 255–261). Мне уже приходилось обсуждать подобные отражения в «Отчаянии» (советская «достоевщина» 1920-х годов – Эренбург, Соболев, Алексей Толстой и др.), в «Даре» (мета-фикция Вагинова и Леонида Леонова; романизированные биографии Тынянова), в «Облаке, озере, башне» (Олеша) (см.: Dolinin 2000: 15–42; Долинин 2004: 192–195, 209–210, 247–258; Долинин 2019a: 255–259, 277–278, 350–368; Долинин 2019b: 41–51). Что же касается «Приглашения на казнь», то его связывали лишь с антиутопией Замятина «Мы» (назвать которую советской язык не поворачивается). Между тем в черновой рукописи романа имеется «улика», указывающая на то, что советская литература входила в круг размышлений Набокова во время работы над ним. В главе XI Цинциннат читает лучший современный роман “Quercus”, безымянный автор которого живет «на острове в Северном, что ли, море» и потому обычно ассоциируется критиками с британскими модернистами, Вирджинией Вулф и, реже, Джойсом⁸. Однако, как

использовал А. Аверченко в рассказе «Черная кость»: «Крохотный человек Ганька в розовой рубашке и серых штанах до пят стоял, окруженный толпой взрослых, и сосредоточенно сопя, глядел на елку. И все цветные огни и картонажи отражались в его выпуклых серых глазах» (Аверченко 1917: 158). Очевидно, Набоков не цитировал ни Аверченко, ни Толстого, а обновлял изобразительный штамп – «огонь/ пламя / искры / звезды отражаются в чьих-то глазах», – который вошел в обиход на рубеже веков и встречается у Куприна, Леонида Андреева, Арцыбашева, Вольнова и др. Ср. сходный прием в «Трех толстяках» Олеша, но в макаберном контексте, когда доктор Гаспар смотрит на трупы расстрелянных бунтовщиков: «На дороге лежали люди; доктор низко наклонялся над каждым и видел, как звезды отражаются в их широко раскрытых глазах» (Олеша 1974: 101).

⁸ О «Quercus»'е как пародии на роман Вирджинии Вулф «Орландо» см.: Grishakova 1999: 18–29; Гришаклова 2000: 119–134; Meyer, Trousdale 2013: 512–515. В комментариях к «Приглашению на казнь» (см.: Набоков 1990: 539 и др. изд.) В. Шохина утверждает, что “Quercus” – это пародия на «Улисса», а его название (*лат.* ‘дуб’) намекает на Дублин.

показывает черновик, Набоков сначала дал модному современному писателю совсем не британское имя Александр Летчиков⁹, а затем, вычеркнув его, хотел сделать “Quercus” коллективным сочинением «нескольких авторов» (см. иллюстрацию).

*Роман был закончен "Quercus" ^{написанной в 1934 г.} ~~Александром~~
 Леончиков и написать про него что-то ^{отлично так же} ~~уже~~
 добрую треть, (всего было три главы в книге, ...)*

Можно предположить, что оба отвергнутых варианта целили в современную советскую литературу с ее культом летчиков-героев¹⁰ и утопическими проектами коллективного творчества, отзываясь на злободневные темы.

Набоков начал работу над «Приглашением на казнь» летом 1934 года, вскоре после того, как в СССР была поднята пропагандистская кампания прославления семи полярных летчиков, спасших челюскинцев, – команду ледокола «Челюскин», раздавленного льдами, и участников находившейся на нем научной экспедиции. Великолепную семерку представляли почти мифическими героями, одержавшими великую победу над стихией; чтобы особо отметить их подвиг, было учреждено звание «Герой Советского Союза», которое им тут же присвоили; в Москве летчикам вместе с челюскинцами устроили необычайно торжественную встречу, увенчавшуюся гигантским митингом на Красной площади. Немалый

⁹ Вариант чтения фамилии: Леончиков, что дает прозрачный намек на Леонида Леонова, в 1930-е годы считавшегося писателем первого ряда, гордостью советской литературы. В письме З. Шаховской от 15 сентября 1934 г. Набоков заметил: «...мне противна вся советская беллетристика (Леонов и лубочный А. Толстой включительно)» (Schakhovskoy, Zinaida, Princess. Correspondence. – Library of Congress. Manuscript Division. Vladimir Vladimirovich Nabokov Papers. Addition, 1923–1974. Box 22. Reel 13. № 8). В конце этого письма сделана приписка: «Я только что кончил новый роман: “Приглашение на казнь”» (Там же).

¹⁰ О культе летчиков в СССР в 1930-е годы см.: Гюнтер 1991: 122–141; Гюнтер 2000: 756; Загидулина 2018: 89–92. В этих и других работах на данную тему в основном рассматривается материал второй половины 1930-х годов, который не был известен Набокову в период работы над «Приглашением на казнь».

вклад в формирование культа «сталинских соколов» внесли писатели. На первой странице «Известий» рядом с поздравлением летчикам от пяти кремлевских вождей был напечатан «Привет героям!» Горького, в котором говорилось: «Только в Союзе Социалистических Советов возможны такие блестящие победы революционно организованной энергии людей над стихиями природы. Только у нас <...> могут родиться герои, чья изумительная энергия вызывает восхищение даже наших врагов»¹¹. Тут же откликнулся на подвиг летчиков и А. Н. Толстой:

Герои спасли героев.

Самолеты, чтобы добраться до Ванкарема, пробились с упорством, с неслыханной дерзостью, сквозь непроглядные туманы, снежные вьюги, покрыв тысячи километров над мерзлыми пустынями, над океаном, над горными хребтами.

Туман и ветер не раз прибывали самолеты к земле. Они падали, ломали крылья и вновь подымались <sic!>, – вперед, вперед.

Они гнались не за славой, не за рекордом. Сердца пилотов и моторы машин бились с сознанием долга: их победа – победа Советского Союза.

Завтра дети будут играть в спасение лагеря Шмидта. Юноши и девушки, поглядывая на облака, будут завидовать героям.

Весь мир рукоплещет подвигам семи пилотов. <...> Да здравствует страна, породившая героическую эпоху! Да здравствуют товарищи, чьи имена сегодня повторит все человечество!¹²

В «Правде» «беспримерное геройство летчиков советской страны» славил Константин Федин¹³, в «Огоньке» – стихотворцы Семен Кирсанов и еще очень молодой, да ранний Сергей Михалков (см.: Кирсанов 1934: 1; Михалков 1934: 8).

Одной из главных тем всех этих славословий было принципиальное отличие советских летчиков-героев от тех, кого считают героями

¹¹ Горький М. Привет героям! – Известия. 1934. № 88 (5336). 14 апреля.

¹² Толстой А. Их имена повторяет все человечество. – Известия. 1934. № 88 (5336). 14 апреля.

¹³ Федин К. Грандиозная эпопея. – Правда. 1934. №103 (5989). 14 апреля.

в западном мире. Это очень четко сформулировал Петр Павленко:

Героизм становится естественным поведением человека социалистического общества. И наши герои – это не те великие удачники-одиночки, которыми гордится капиталистический мир, ставя им памятники, как редким светочам и образцам, боготворить которых необходимо, но повторить которых нельзя.

Там герои неповторимы, потому что редки. Герои нашей страны потому герои, что их дела творят новых героев. Тот, кто не может взрастить сотни себе подобных, тот жалкий рекордсмен, секрет которого хранится в лавчонках пустой рекламы и ложной сенсации¹⁴.

Иными словами, в стране насаждался культ героев не как исключительных личностей, совершивших по своему свободному выбору нечто уникальное и ценное, а как образцовых исполнителей высшей воли партии и лично вождя, своего рода эталонов, по которым должны строить свою жизнь миллионы других потенциальных героев.

Эта установка на нивелирование личности, которую Набоков высмеял в «Приглашении на казнь», нашла уродливое воплощение даже в самой советской литературе. Весьма вероятно, что идея сделать “Quercus” коллективным романом была откликом на выпущенный в том же 1934 году коллективный труд 37 советских писателей во главе с Максимом Горьким «Беломоро-Балтийский канал им И. В. Сталина. История строительства 1931–1934». Участники и энтузиасты этого проекта хотели видеть в нем не собрание отдельных очерков, а единое художественное целое, чуть ли не роман нового типа, за которым будущее (см. об этом: Клейн 2005: 239).

Набоков скорее всего знал об этой одиозной книге из эмигрантской прессы. Еще до ее выхода парижское «Возрождение» перепечатало из «Известий» фрагмент послесловия Горького, в котором «буревестник революции» докладывал: «Эта книга

¹⁴ Павленко П. Наша родина. – Правда. 1934. № 168 (6054). 20 июня.

рассказывает, как лечили и вылечили социально больных; как врагов пролетариата перевоспитали в сотрудников и соратников его»¹⁵. «Канал воспет. Бывшие преступники потрясены чекистской гуманностью, – саркастически излагал содержание коллективного славословия жестокой диктатуре П. Пильский в рижской «Сегодня». – Все писатели, участники этого тома с благоговением и восторгом пишут о чекистах <...> еще и еще, и еще, – целый иконостас застеночных страшилищ. Для этой ватаги советские литераторы не <жалуют> слов умиления. Меж тем надо только взглянуть на эти лица, – и обман обнаружится тотчас же. <...> Три дюжины советских Пименов трудились над этим сказанием о канале, и работали Пимены не так, как обычно пишут литераторы. Толстенная книга перечисляет в оглавлении авторов. Однако, за малым исключением, подписей под отдельными статьями нет. Коротенькое предисловие объясняет, что за текст отвечают все авторы – гуртом и скопом. Личность исчезла и здесь, остался коллектив <...> какая-то рабочая бригада, вооруженная перьями»¹⁶. Берлинский друг Набокова С. Г. Шерман цитировал статью Горького «Перевоспитание правдой», в которой говорилось, что власть на постройке канала исправляла людей, «истребляя ничтожное количество неисправимых» (Савельев 1934: 423).

Возможно, главная тема беломор-канальской книги – чекистская практика так называемой «перековки» заключенных, цель которой, говоря словами одного из самых омерзительных советских критиков Д. И. Заславского, – добиться перелома в сознании, заставить людей «склониться перед превосходством социалистических понятий»¹⁷ – отразилась у Набокова в попытках тюремщиков и палача «перековать» неисправимого Цинцинната. Они хотят, чтобы узник, приговоренный к смерти, «честно признал свою блажь, честно признал, что любит то же самое, что любим мы с вами, <...> честно признал и раскаялся» (Набоков 1999–2000, 4: 141), корят за

¹⁵ Горький восхваляет чекистов. – Возрождение. 1933. № 3130. 27 декабря.

¹⁶ Вельский Р. [П. Пильский]. Кровавая полоса. – Сегодня. 1934. № 62. 3 марта.

¹⁷ Заславский Д. Заметки о каналах и людях. – Правда. 1933. № 214. 3 августа.

неблагодарность и нежелание понять, что все делается ради его же блага; выдают жестокий обман за безобидные шутки. Тогда в слезливом, вечно всхлипывающем тюремщике Родионе можно усмотреть злой шарж на Максима Горького, который лил слезы на церемонии в честь завершения строительства канала. Фельетонист «Возрождения» Александр Александрович Яблоновский (Снадзский) писал по этому поводу:

От умиления и от восторга перед воспитательной работой Ягоды Горький даже прослезился.

Но этому нельзя придавать большого значения, так как Горький давно получил «дар слезный», как выражаются монахи. Разница только в том, что иноки и святители получают «дар слезный» от Господа Бога, а Горький получил его от чекиста Ягоды.

– О чем бы ни заговорил – непременно слезу пустит и непременно соврет. И даже так, что чем больше плачет, тем больше врет...

Для покойников, которые усыпали «каторжный» канал своими костями, у Горького, конечно, ни одной слезы не нашлось¹⁸.

*

Отказ Набокова от прямых аллюзий на советскую литературу отнюдь не означает, что полемика с ней ушла из романа. Известно, что он писал «Приглашение на казнь» параллельно с четвертой главой будущего «Дара» – жизнеописанием Чернышевского, которое полемически противопоставлено романизированным биографиям Тынянова (см.: Долинин 2019b: 39–41, 270–271), и, как представляется, этот принципиальный спор продолжился и в разработке темы «Поэт в тюрьме». Уже отмечалось, что судьба набоковского Цинцинната – узника, приговоренного к смертной казни за мыслепреступление и заточенного в крепость, – спроецирована на несколько исторических, мифологических и литературных прототипов – казнь Сократа, обезглавливание Иоанна

¹⁸ Яблоновский А. Во исполнение предписаний. – Возрождение. 1933. № 3012. 31 августа.

Крестителя, легенду о Тассо (через сонет Бодлера «Тасс в темнице»), гибель на гильотине жертв Французской революции, прежде всего короля Людовика XVI и Андре Шенье, убийства русских поэтов – Рылеева, Пушкина, Лермонтова (Цинцинната ведут на его собственную тризну «кремнистыми тропами»), Гумилева (см.: Dolinin 1997: 43–49; Shapiro 1998, *passim*; Долинин 2004: 221–222; Долинин 2019а: 294–295). В этот ряд хорошо вписывается и реконструированная Тыняновым в романе «Кюхля» судьба Вильгельма Кюхельбекера – поэта, приговоренного к смертной казни, а потом помилованного, одинокого узника, проведенного в крепостях без малого 10 лет. Когда Цинциннат, воображая идеальную, благую потусторонность, пишет «Там – неподражаемой разумностью светится человеческий взгляд; там на воле гуляют умученные здесь чудаки» (Набоков 1999–2000, 4: 101), ассоциация с умученным Кюхлей, – архетипическим чудаком русской словесности, – напрашивается сама собой. Выход из «тупика тутошней жизни» он ищет и находит в вещих снах об инобытии, о неоплатоническом «там»:

Он есть, мой сонный мир, его не может не быть, ибо должен же существовать образец, если существует корявая копия. <...> Там, там – оригинал тех садов, где мы тут бродили, скрывались; там все поражает своею чарующей очевидностью, простотой совершенного блага; там все потешает душу, все проникнуто той забавностью, которую знают дети; там сияет то зеркало, от которого иной раз сюда перескочит зайчик (Набоков 1999–2000, 4: 101–102).

В тюремной лирике Кюхельбекера центральное место занимают те же темы, что и в поэтической прозе Цинцинната. Он тоже устремляется мечтой туда, «где ужаса и скорби нет, / Где блеском вечного сиянья / Господень вертоград одет» («Молитва»; Кюхельбекер 1967: 288); тоже видит вещие сны об инобытии, противопоставленном темному «здесь» («Здесь тьмой душа моя одета; / Но, будто дальней церкви звон, / И здесь сквозь тайный, вещий сон / Гул слышу райского привета...» – («Смерть»;

Кюхельбекер 1967: 288); тоже «рвется в оный край безбрежный, / Где все покорно красоте, / Где правда, свет и совершенство» («Мое предназначение»; Кюхельбекер 1967: 273). В стихотворении «Елисавета Кульман» Кюхельбекер, как и Набоков, строит картину потусторонности на анафоре «там»:

Берег ли священной Леты,
Ты ли, тихая луна, –
Но я верю: есть страна,
Где герои, где поэты
Не страдают, где они
В плоть нектарную одеты,
Где и их безбурны дни.
Там ни зол, ни гроз, но ночи
Их божественные очи
Уж не видят; вход туда
Загражден для черни шумной;
Там не вопят никогда
Дикий смех и рев безумный;
Вся волшебная страна
Тонет в багрянце заката;
Воздух весь из аромата;
Там, гармонии полна,
В ясных токах, вечно чистых,
Под навесом лоз душистых,
Как алмаз, горит волна.

Там, в прохладе райской сени,
Без вражды овца и лев;
В слух мужей и жен и дев
Уж не стоны и не пени
Льются песни соловья;
Там блаженству внемлют тени
В самом лепете ручья.
Там все тучи, все печали
Светлой радостью стали;

Там дыханье клеветы
Не затмит сиянья славы;
Там в святыне красоты
Нет ни лести, ни отравы.
Отдохну же там и я!
Нужно мне отдохновенье:
Бед забвенье, ран целенье
Там найдет душа моя...
Слышу неземные звуки,
К теням простираю руки:
Ждут бессмертные друзья.

(Кюхельбекер 1967: 281–282)

Важнейший мотив поздней лирики Кюхельбекера – «свиданье там» с великими поэтами прошлого или с умершими друзьями – перекликается с концовкой «Приглашения на казнь», где Цинциннат направляется «в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему». Разумеется, Кюхельбекер лишь варьирует романтический топос элизийской встречи поэтов¹⁹, но тот факт, что он пишет о ней в крепости и ссылке, сближает его стихи с набокковским романом сильнее, чем другие разработки топоса в русской и мировой поэзии.

Трагическое одиночество Цинцинната в заточении тоже имеет параллели в судьбе и стихах Кюхельбекера. Когда герой Набокова осознает, что «нет в мире ни одного человека, говорящего на моем языке; или короче: ни одного человека, говорящего; или еще короче; ни одного человека...» (Набоков 1999–2000, 4: 102), это напоминает дневниковую запись Кюхельбекера, которую Набоков цитировал в комментарии к «Евгению Онегину»: «Если человек был когда несчастлив, так это я: нет вокруг меня ни одного сердца,

¹⁹ О теме элизийской встречи в русской романтической поэзии см.: Вацуру 1994: 131–137; Пильщиков 1994: 85–111; переработанный вариант той же статьи: Пильщиков 2005: 55–81; Топоров 1994: 197–222; Пильщиков 2004: 86–123; Четверных 2010. Из всех исследователей, обсуждавших тему, лишь Н. Н. Мазур упомянула поздние стихи Кюхельбекера. См.: Мазур 1999: 154–156.

к которому я мог бы прикоснуться с доверенностью»²⁰. В финале романа Цинциннат начинает понимать, что все его надежды на спасение в «тупике тутошней жизни» были иллюзорными, и пишет: «Все сошлось, <...> то есть все обмануло, все это театральное, жалкое. <...> Все обмануло, сойдясь, все» (Набоков 1999–2000, 4: 174). По всей вероятности, Набоков цитирует здесь одно из лучших стихотворений Кюхельбекера «Три тени» («На диком берегу Она я сидел...»), написанное в ссылке, где есть такие строки: «В глухих твердых заточенья. / Все обмануло, кроме вдохновенья» (Кюхельбекер 1967: 303)²¹.

На связь Цинцинната с Кюхлей косвенно указывает уничтожительная самооценка Цинцинната, сравнивающего свои писания со стихами Ленского, – «...пишу я темно и вяло, как у Пушкина поэтический дуэлянт» (Набоков 1999–2000, 4: 100). Набоков вполне мог знать авторитетное свидетельство Плетнева, заметившего, что в Ленском Пушкин «мастерски обрисовал» Кюхельбекера, – если не по первоисточнику, то по статьям И. Н. Розанова и Тынянова, в которых это свидетельство приводилось²². Кроме того, о том, что

²⁰ См.: Pushkin 1990: 447. Набоков мог знать эту запись по публикации в «Русской старине» (1891. Т. 72. №10 (октябрь). С. 94) или по сокращенному советскому изданию дневника (Дневник 1929: 285).

²¹ Ср. также в «Утешении» («Подражании Лафару») (1820) Баратынского: «Все обмануло, думал я, / Чем сердце пламенное жило, / Что восхищало, что томило, / Что было цветом бытия» (Баратынский 1982: 104). Баратынский, однако, использует фразу в игривой эротической элегии, а Кюхельбекер – в элегии медитативной, где поэт вызывает тени умерших друзей, Грибоедова, Дельвига и Пушкина, и воображает загробную встречу с ними. Интересно, что, согласно основному и поэтическому Корпусу русского языка, фраза «Все обмануло» встречается в литературе лишь три раза: у Баратынского, Кюхельбекера и Набокова.

²² См.: Переписка 18<9>6: 384; Розанов 1926: 212–219; Тынянов 1929: 223. Во время работы над «Приглашением на казнь» Набоков еще не мог знать статью Тынянова «Пушкин и Кюхельбекер», напечатанную в томе 16/18 «Литературного наследства», на которую он несколько раз ссылается в комментарии к «Евгению Онегину». См. особенно: “Tinyanov <...> has seen in the Lenski of Two a portrait of Küchelbecker, who, in 1820, had visited Germany. I object to the prototypical quest as blurring the authentic, always atypical methods of genius [«Тынянов усмотрел в Ленском второй главы портрет Кюхельбекера, который в 1820 г. посетил Германию. Я возражаю против таких поисков прототипа, ибо они стирают различия между подлинными, всегда атипичными методами гения]” (Pushkin 1990: 229). Хотя том был подписан к печати 10 октября 1934

Кюхельбекер был прототипом Ленского, писал Лев Поливанов в популярном собрании сочинений Пушкина «для семьи и школы», выдержавшем три издания и использовавшимся как учебное пособие в гимназиях и училищах (см.: Сочинения 1901: 214–230). Прямые и скрытые отсылки к Пушкину в романе (см. о них: Долинин 2004: 214–230; Долинин 2019а: 280–302) лишь подчеркивают родство двух узников, потому что оба они в каземате думают о нем, цитируют его стихи.

Если Набоков действительно имел в виду Кюхельбекера, то он должен был так или иначе вступить в диалог с нашумевшим романом Тынянова, который он вряд ли пропустил²³. Заключение Кюхельбекера в крепостях обрисовано в романе Тынянова чрезвычайно сжато, всего в трех коротких главках, но некоторые мотивы этих эпизодов имеют параллели в «Приглашении на казнь». Так, в Шлиссельбурге Кюхля, расхаживая по камере и изучая ее топографию, внимательно читает надписи на стенах, оставленные прежними узниками (см.: Тынянов 1959: 292). Точно так же читает загадочные надписи на стенах расхаживающий по камере Цинциннат (см.: Набоков 1999–2000, 4: 57). «Станным запрещением», которыми тюремщики у Тынянова мучают узника, – «Бегать по камере нельзя <...>. Разговаривать запрещается <...>. Бить головой о стену не полагается <...>. И плакать громко тоже нельзя» (Тынянов 1959: 292–293), – в «Приглашении на казнь» соответствуют еще более абсурдные «восемь правил для заключенных» («1. Безусловно воспрещается покидать здание тюрьмы. <...> 4. Воспрещается приводить женщин. 5. Петь, плясать и шутить со стражниками дозволяется только по общему соглашению и в известные дни...» и т. п. – Набоков 1999–2000, 4: 72).

г., он вышел в свет, судя по всему, только в мае 1935 г. См. посвященные выходу тома материалы Н. Богословского, П. С. Попова, И. Зильберштейна и И. Сергиевского в номере «Литературной газеты» от 5 июня 1935 г. Согласно Брайану Бойду, Набоков закончил работу над рукописью «Приглашения» в начале января 1935 г. (см.: Boyd 1990: 409–410; Бойд 2001: 477–478).

²³ С 1925 по 1936 г. в СССР вышло семь изданий «Кюхли»; в 1929 г. роман выпустило и берлинское издательство «Петрополис».

И Тынянов, и Набоков обыгрывают традиционный, имеющий фольклорные корни сюжет «Добрая / влюбленная дочь тюремщика помогает узнику», известный по целому ряду пьес, начиная с «Двух знатных родичей» Шекспира и Флетчера, романов («Пармская обитель» Стендаля, «Черный тюльпан» Дюма и т. п.) и стихотворений, среди которых прежде всего следует назвать «Соседку» Лермонтова, перифразированную в «Приглашении на казнь» (Набоков 1999–2000, 4: 71). Тынянов придумывает дочь коменданта Динабургской крепости, полковника Егора Криштофовича, – «зрелую девицу лет тридцати, скучавшую и толстевшую в комендантском доме за горшками с бальзаминами» (Тынянов 1959: 302)²⁴. Она, как и положено по сюжету, проникается симпатией к новому узнику, решив, что «человек с такими глазами не может быть вредным преступником», и добивается от отца послаблений ему²⁵. Набоков берет тот же сюжет, но иронически инвертирует его, разрушая банальные надежды Цинцинната на банально-литературное спасе-

²⁴ «Горшки с бальзаминами» – деталь из «Станционного смотрителя». Ср.: «Все это донныне сохранилось в моей памяти, так же как и горшки с бальзамино и кровать с пестрой занавескою...». Во второй главе «Дара» Набоков также использовал эту пушкинскую деталь: «За груневальдским лесом курил трубку у своего окна похожий на Симеона Вырина смотритель, и так же стояли горшки с бальзамино» (Набоков 1999–2000, 4: 280).

²⁵ В действительности дело обстояло совсем не так: комендантом Динабургской крепости с 1826 по 1844 г. был генерал-майор Густав Карлович Гельвиг (1776–1855); другой старый генерал, Егор Константинович Криштафович (1769–1829), командовал расквартированной в Динабурге 2-й пехотной дивизией; его родственники были соседями и добрыми друзьями Кюхельбекеров, и потому он и его сердобольная жена Филиппина Францевна (урожд. Шенк де Кагель) покровительствовали Кюхле, добившись для него разрешения общаться с молодыми офицерами, читать, писать, гулять, посылать, получать и передавать письма. Как писали в биографическом очерке дети Кюхельбекера, «четырёхлетнее заточение в Динабурге смягчено было для Кюхельбекера участием и великодушной заботливостью дивизионного командира Егора Криштофовича и его семейства. Уроков его детям – вопреки словам Греча – Вильгельм Карлович не давал, и тем более чести г. Криштофовичу, выхлопотавшему разрешение узнику читать и заниматься, доставлявшему Кюхельбекеру книги, дозволившему ему прогуливаться по плацформе, – вообще смягчившему для него строгие постановления относительно заключенных. В квартире Криштофовича узник даже виделся со своею матерью... Семейство Кюхельбекера свято чтит память этого великодушного человека» (Косова, Кюхельбекер 1875: 349).

ние: малолетняя дочь директора тюрьмы Эммочка сначала обещает Цинциннату его спасти, а затем обманывает, разыграв с ним злую шутку.

Подобные схождения можно было бы отнести на счет тюремной топики, если бы Набоков не ввел в текст два взаимосвязанных символических мотива, которые к топосам тюрьмы прямого отношения не имеют, но появляются и в тюремных главах «Кюхли»: дуализм творческой личности и относительность величин, как физических, так и – в переносном смысле – социально-психологических. У Тынянова личность Кюхельбекера в крепости расщепляется на две составляющие – Вильгельма и Кюхлю, дневную и вечернюю, рациональную и иррациональную, сознательную и бессознательную, Эго и Ид:

...один Виля, Кюхля – был бедный человек <...> и вот теперь этот бедный человек прыгал по клетке и считал свои годы, которые ему осталось провести в ней, даже не зная, собственно, хорошенько, на сколько лет его осудили. <...> А другой человек, старший, распоряжался им с утра до ночи, ходил по камере, сочинял стихи и назначал Виле и Кюхле воспоминания и праздники. <...> Но по ночам старший Вильгельм исчезал, и в камере оставался один Вильгельм – прежний. И снами своими узник № 16 распоряжаться не умел. <...> Вой несся из камеры № 16, удушливый, сумасшедший вой и лай (Тынянов 1959: 293, 294, 295).

Крайне важно, что за сочинение стихов отвечает «дневной», старший Вильгельм, то есть поэтическое творчество для Кюхельбекера, согласно Тынянову, – это не внутренняя потребность, а рациональный волевой акт. При этом оторванный от литературной среды, не участвующий в живом движении литературы, «дневной» Кюхельбекер как бы теряет символический вес и сокращается в размерах:

Когда-то, когда он жил у Греча и работал у Булгарина, Вильгельм чувствовал себя Гулливером у лилипутов. Теперь он сам стал лилипутом, а вещи вокруг – Гулливерами (Тынянов 1959: 291–292).

Исторический Кюхельбекер вряд ли бы согласился со столь уничижительной оценкой его тюремного творчества. В стихах и дневниковых записях он неизменно подчеркивал иррациональную природу «утешительного огня поэзии»²⁶, даруемого ему свыше, и повторял вслед за Державиным горацианскую формулу “non omnis moriam!”:

Меня взлелеял ангел песнопенья,
 И светлые, чудесные виденья
 За роем рой слетают в мой приют;
 Я вижу их: уста мои поют,
 И райским исполняюсь наслажденьем.
 И (да вещаю ныне с дерзновеньем!)
 Не все, так уповаю я, умрут
 Крылатые души моей созданья:
 С лица земного светится мой прах,
 Но тот, на чьем челе печать избранья,
 Тот и в далеких будет жить веках;
 Не весь истлею я... <...>
 Я на земле, в тюрьме я только телом,
 Но дух в полете радостном и смелом
 Горé несется, за предел земной...

(«Моей матери»; Кюхельбекер 1967: 248–249)

Своему «ангелу песнопенья» Кюхельбекер дал экзотическое мусульманское имя Исфраил, заимствованное (с перестановкой согласных) из поэмы Томаса Мура «Лалла Рук» или, вернее, из примечания к ней, где цитируется пояснение к Корану его английского переводчика Джорджа Сейла (1697–1736), который писал, что

²⁶ См. в письме сестре Юлии от 14 ноября 1832 г.: «...я себя чувствую очень и очень счастливым. Слава Богу, мое воображение еще не совсем иссякло, еще я поэт: это, друг мой, такое наслаждение, которого не отдам ни за какие земные блага. В доказательство, что живо чувствую такое благоденствие Божие, вот тебе несколько слов из моего дневника:

11 ноября. Я бы желал на коленях и со слезами благодарить моего милосердного отца небесного. Нет, то, чего я так боялся, еще не постигло меня: утешительный огонь поэзии еще не угас в моей груди!» (Письма 1954: 412).

ангел Исрафил (“angel Israfil”) поет в раю, ибо «обладает самым сладкозвучным голосом из всех тварей Божьих» (“has the most melodious voice of all God’s creatures”) (см.: Moore 1820: 273; Koran 1812: 132)²⁷. В нескольких тюремных стихотворениях он обращается к «прекрасному гостю», возделенному вестнику «из страны чудес», который разжигает в нем «огонь небесный вдохновенья», приносит «восторг и свет». Уже в ссылке он с тоской вспоминает годы одиночного заключения, когда Исфраил часто посещал его:

Для узника в волшебную обитель
Темницу превращал ты, Исфраил;
Я был один, покинут всеми в мире,
Всего страшился, даже и надежд;
Бывало же, коснешься томных вежд,
С них снимешь мрак, дашь жизнь и силу лире, –
И снова я свободен и могуч;
Растаяли затворы, спали цепи,
И как орел под солнцем из-за туч
Обозревает горы, реки, степи, –
Так вижу мир раскрытый под собой
И радостно сквозь ужас холодной ночи
Бросаю полные восторга очи
На свиток, писанный судьбы рукой!...

(«Разочарование»; Кюхельбекер 1967: 292)

Если тыняновский Кюхля по ночам воет от страха и бессилия, то исторический Кюхельбекер побеждает ужас «святым поэтическим вдохновением», которое парадоксальным образом ослабевает, когда

²⁷ В письме сестре от 26 июня 1830 г. из Динабургской крепости Кюхельбекер благодарил племянника Дмитрия Глинку за присылку «Лалла Рук» (см.: Письма 1954: 407). К сожалению, мы не знаем, о каком издании шла речь. Как указал М. П. Алексеев, в третьей части поэмы Кюхельбекера «Зоровавель» (1831) есть две прямые отсылки к «Лалла Рук»; известно также, что в 1836 г. Кюхельбекер написал статью о Муре, которая до нас не дошла (см.: Алексеев 1982: 696–697). Любопытно, что почти одновременно с Кюхельбекером на цитату из Сейла в примечании к «Лалла Рук» обратил внимание Эдгар По, который под ее впечатлением написал большое стихотворение об ангеле Исрафеле как вдохновителе поэзии (“Israfil”, 1831).

он выходит на волю. Об этом он писал, в частности, в замечательном стихотворении «19 октября 1837 года» («Блажен, кто пал, как юноша Ахилл...», 1838), оплакивая ушедших друзей, Пушкина, Дельвига и Грибоедова:

Пора и мне! – Давно судьба грозит
Мне казней нестерпимого удара:
Она меня того лишает дара,
С которым дух мой неразлучно слит!
Так! перенес я годы заточенья,
Изгнание, и срам, и сиротство;
Но под щитом святого вдохновенья,
Но здесь во мне пылало божество!

Теперь пора! – Не пламень, не перун
Меня убил; нет, вязну средь болота,
Горою давят нужды и забота,
И я отвык от позабытых струн.
Мне ангел песней рай в темнице душевной
Когда-то создавал из снов златых;
Но без него не труп ли я бездушный
Средь трупов столь же холодных и немых²⁸.

(Кюхельбекер 1967: 296)

Кажется, только в тюрьме Кюхельбекер впервые ощутил себя боговдохновенным поэтом, для которого, как он писал в одном из писем из крепости, «уже нет мира существенного», ибо «поэзия создает [ему] мир мечтательный» (недатированное письмо племяннику Н. Г. Глинке; Декабристы 1951: 48). В другом письме он резко противопоставлял «высокое искусство <...> которому посвятил жизнь свою <...> может быть, без всякой пользы», литературному быту:

²⁸ Ср. в письме Кюхельбекера к Пушкину из ссылки от 3 августа 1836 г.: «...порую жалею о своем уединении. Там я был ближе к Вере, к поэзии, к идеалу» (Пушкин 1949: 146).

Теперь я уже не словесник; прельщения минутного блеска, хвала друзей, ободрения знатоков, самая критика для меня не существуют, не доходят до меня. Но Бог с ними! Поэтом же я надеюсь остаться до самой минуты смерти и, признаюсь, если бы я, отказавшись от поэзии, мог купить этим отречением свободу, знатность, богатство, даю тебе слово честного человека, я бы не поколебался: горесть, неволя, бедность, болезни душевные и телесные с поэзией я предпочел бы счастью без нее» (цит. по: Косова, Кюхельбекер 1875: 351).

В этом отношении набоковский поэт в тюрьме²⁹, который верит, что его спасет воображение, уносящее его из «существенного мира» в «мир мечтательный», намного больше похож на исторического Кюхельбекера, чем на изображение последнего в романе Тынянова. Как и Кюхля, герой «Приглашения на казнь» в тюрьме тоже расщепляется надвое, но иначе, по традиционной христианской дихотомии «человек внешний vs человек внутренний»³⁰, переосмысленной эстетически. Внешний Цинциннат – это бедный, маленький, жалкий, слабый, беззащитный, обреченный человек, нелепый чудак того же склада, что и Кюхля. Но под плохо пошитым «мундиром земного естества» скрывается другой Цинциннат или, как сказано в романе, «его главная часть» – творческое сознание, бессмертный поэтический дух. В начале романа этот внутренний Цинциннат тоже кажется маленьким и жалким («Ну что ж, – сказал Цинциннат, – пожалуйста, пожалуйста... Я все равно бессилён. (Другой Цинциннат, поменьше, плакал, свернувшись калачиком)» (Набоков 1999–2000, 4: 84), но с каждой новой записью в тюремном лирическом дневнике он набирает силу и рост. Именно к нему обращены загадочные послания из другого мира, – надпись на стене

²⁹ Поэтом, творческой натурой назвал Цинцинната сам Набоков, объясняя авторам инсценировки «Приглашения на казнь» свой замысел. Его объяснение в передаче Веры Евсеевны см.: Invitation 1997: 166.

³⁰ Ср.: «Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор. 4: 16–18).

камеры «Смерьте до смерти, – потом будет поздно» и прощальный жест матери, когда она расставляет «руки с протянутыми указательными пальцами, как бы показывая размер» (Набоков 1999–2000, 4: 57, 129), – призывающие его обрести в творчестве истинную меру вещей. В финале романа, в момент, когда топор палача падает на шею жертвы, происходит окончательное разъединение двух Цинциннатов, и главный из них не уменьшается в размерах, как герой Тынянова, но, наоборот, вырастает до размеров Гулливера и обретает желанную свободу:

...один Цинциннат считал, а другой Цинциннат уже перестал слушать удалявшийся звон ненужного счета – и с неиспытанной дотоле ясностью, сперва даже болезненной по внезапности своего наплыва, но потом преисполнившей веселием все его естество, – подумал: зачем я тут? Отчего так лежу? – и задав себе этот простой вопрос, он отвечал тем, что привстал и осмотрелся.

<...> Его догнал во много раз уменьшившийся Роман, он же Родриг. <...> Последней промчалась в черной шали женщина, неся на руках маленького палача, как личинку (Набоков 1999–2000, 4: 186–187).

Очевидные различия в трактовке сходных мотивов и локусов объясняются, как я думаю, противоположными представлениями Тынянова и Набокова, советского и эмигрантского писателя, об отношении индивидуального творческого сознания к тем социально-историческим и политическим контекстам, в которых оно рождается и развивается. Для Тынянова Кюхельбекер – это человек определенного времени, определенного поколения, определенной литературной и политической среды; его судьба теснейшим образом связана с историей освободительного движения и с ранней историей русского романтизма. После подавления восстания декабристов и ареста жизнь Кюхли фактически прекращается – как сказано в романе, «время для него остановилось» (Тынянов 1959: 312); в тюрьме он, по Тынянову, – «живой труп», отрезанный от питавшей его литературной среды и от хода истории, несчастный, страдающий, беспомощный

мученик. Поэтому Тынянов фактически ничего не пишет о постоянных литературных занятиях Кюхельбекера в крепостях и ссылке – кроме того, что, перечитывая в конце жизни свои драмы и стихи, он приходит от них в ужас и понимает, что и «впрямь был Третьяковским нового времени»; не цитирует ни одного написанного им лирического стихотворения; не упоминает ни об анонимной публикации «Ижорского», ни о замечательном дневнике с отзывами о самой новой литературе; умалчивает о маленьком литературном кружке, который образовался вокруг него в Динабургской крепости. Созданное Кюхлей в тюрьме и ссылке, считает он, имеет лишь «антикварную» ценность. «В одиночном заключении, – писал Тынянов в предисловии к дневнику Кюхельбекера, – была законсервирована литературная атмосфера 20-х годов. Изредка в эту странную воображаемую литературу со спутанным временем врываются факты, так сказать, соседнего ряда, факты быта: залетал в окно воробей или забегал котенок» (Дневник 1929: 6–7). Ясно, что с точки зрения Тынянова творческий и, шире, духовный рост Кюхли в заключении был невозможен по определению.

Набоков, всегда утверждавший автономность индивидуального творческого сознания, смотрел на изоляцию художника по-другому. Как утверждает герой «Дара», одиночество и контраст между «внутренним обыкновением и страшно холодным миром вокруг» (Набоков 1999–2000, 4: 526) могут быть и чудными, и благотворными. Приговоренный к смерти Цинциннат, осмысляя в тюрьме свою «мучительную жизнь» и пытаясь «высказаться – всей мировой немоте назло» (Набоков 1999–2000, 4: 99), добывает себе бессмертие и, как мы знаем из комментария к «Евгению Онегину», судьбу исторического Кюхельбекера Набоков воспринимал в том же ключе. Словно бы отвечая Тынянову, он писал:

Только в самом конце своей исключительно грустной и бессмысленной литературной карьеры, в сумеречную пору жизни, сначала осмеянный и друзьями, и недругами, а потом всеми забытый, больной, слепой человек, которого надорвали

годы ссылки, Кюхельбекер написал несколько превосходных стихотворений, одно из которых – «Судьба русских поэтов» длиной в 20 строк – это блистательный шедевр, творение перворазрядного гения...³¹

Разумеется, мы не в праве проецировать эти поздние оценки Набокова на его роман двадцатилетней давности, тем более, что в 1934 году, когда он, параллельно с четвертой главой «Дара», сочинял «Приглашение на казнь», «Судьба русских поэтов» еще не была опубликована. Однако Набокову должны были попадаться публикации стихов, дневников и писем Кюхельбекера в журналах «Русская старина» и «Русский архив», которые он внимательно просматривал в поисках материалов для биографии Чернышевского. Кроме того, он мог знать его тюремную лирику по упомянутому выше изданию дневника (1929), куда Кюхельбекер вписывал многие стихотворения, по далеко не полному «Полному собранию стихотворений Кюхельбекера» (1908), вышедшему в «Библиотеке декабристов», или, на худой конец, по антологии Ю. Н. Верховского «Поэты пушкинской поры»³². Поскольку он готовился писать о Чернышевском в тюрьмах и ссылке, то ему, возможно, было интересно сопоставить тюремный опыт двух политических заключенных, поэта-декабриста и литератора-шестидесятника³³.

³¹ “Only at the very end of a singularly sad and futile literary career, and in the twilight of his life, first jeered at by friend and foe alike, the forgotten by all; a sick, blind man, broken by years of exile, Kühelbecker produced a few admirable poems, one of which is a brilliant masterpiece, a production of first-rate genius—the twenty-line-long *Destiny of Russian Poets...*” (Pushkin 1990: 446).

³² См.: Поэты 1919: 76–88. Из десяти стихотворений Кюхельбекера, включенных в антологию, девять написаны в крепостях и ссылке.

³³ По предположению Омри Ронена, смешной эпизод в начале второй главы «Дара», когда Федор Годунов-Чердынцев в трамвае принимает какого-то мало симпатичного господина за типичного немца и вменяет ему в вину все пороки немецкой нации (см.: Набоков 1999–2000, 4: 264–265), представляет собой соревнование с записью в дневнике Пушкина о том, как он не узнал арестованного Кюхельбекера на станции, приняв его за «настоящего жида» и, следовательно, шпиона (см.: Ронен 2015: 268–269; Ронен 2000: 258). Это предположение не кажется мне убедительным хотя бы по той причине, что дневниковая запись о реальном событии – не самый подходящий объект для состязания. Скорее, таким объектом могла быть смягченная обработка

Показательно, что, по Набокову, расцвет творческих сил Чернышевского, как и у Кюхельбекера, приходится на годы одиночного тюремного заключения: в письмах из крепости, замечает он, выражены «весь пыл, вся мощь воли и мысли, отпущенные ему» (Набоков 1999–2000, 4: 449), и даже бездарная книга «Что делать?» вбирает в себя «весь жар его личности, – жар, которого нет в беспомощно-рассудочных ее построениях, но который таился как бы промеж слов» (Набоков 1999–2000, 4: 457)³⁴. Как кажется, Набоков, в отличие от Тынянова и других советских писателей, верил, что индивидуальный дух человека способен победить давление среды, преодолеть отчаяние и страх, найти силы и способ, чтобы вырваться на свободу. Вот почему в финале он позволяет своему несчастному герою пережить физическую смерть, разрушить окружающий мир, услышать голоса «существ, подобным ему» и пойти к ним «среди пыли и падших вещей», тогда как Тынянов награждает умирающего Кюхлю лишь предсмертным видением, в котором его целует в губы Пушкин, но он остается лежать «со вздернутой седой бородой, острым носом, поднятым кверху, и закатившимися глазами» (Тынянов 1959: 324).

пушкинской записи в «Кюхле», где Тынянов устранил мотив ложной идентификации по этническому стереотипу, заменив его внешним сходством: Пушкин у него брезгливо отворачивается от чернородого арестанта, потому что тот напоминает ему известного агента тайной полиции Фогеля (неясно, правда, как полицейский чиновник 1820-х годов мог завести себе длинную черную бороду). Если Тынянов намеренно искажает пушкинский источник, жертвуя достоверностью ситуации, то Набоков использует ее как прототип для важного эпизода, демонстрирующего обманутому герою, что жизнь «умна, изящно лукава и, в сущности, добра» (Набоков 1999–2000, 4: 265).

³⁴ Следует заметить, что та же формула «жар личности» использована в романе по отношению к отцу героя, полному антагонисту Чернышевского. Ср.: «Мне хотелось бы с такой относительной вечностью удерживать то, что, быть может, я всего более любил в нем: его живую мужественность, непреклонность и независимость его, холод и **жар его личности**, власть над всем, за что он ни брался» (Набоков 1999–2000, 4: 296).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверченко А. 1917. Синее с золотом. Пг.: Издание товарищества „Новый Сатирикон“.
- Алексеев М. П. 1982. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) / Исследование академика М. П. Алексеева. – Литературное наследство. Т. 91. М.: Наука.
- Анненков Ю. 1966. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Т. I. New York: Международное литературное содружество.
- Баратынский Е. А. 1982. Стихотворения. Поэмы / Изд. подготовил Л. Г. Фризман. М.: Наука.
- Бойд Б. 2001. Владимир Набоков: Русские годы. Биография / Авторизованный пер. Г. Лапиной. М.; СПб.: Издательство Независимая Газета; Издательство «Симпозиум».
- Вацуру В. Э. 1994. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб.: Наука.
- Герман Ю. 1980. Подполковник медицинской службы. Начало. Буцефал. Лапшин. Жмакин. Воспоминания. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Гришакова М. 2000. О некоторых аллюзиях у Владимира Набокова. – Культура русской диаспоры: Владимир Набоков – 100. Материалы научной конференции (Таллинн–Тарту, 14–17 января 1999) / Ред. И. Белобровцева, А. Данилевский. Таллинн: TRÜ Kirjastus. С. 119–134.
- Гюнтер Х. 1991. Сталинские соколы (анализ мифа 30-х годов). – Вопросы литературы. № 11–12. С. 122–141.
- Гюнтер Х. 2000. Архетипы советской культуры. – Соцреалистический канон / Под общей ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект. С. 743–784.
- Декабристы 1951. В. К. Кюхельбекер в крепостях и в ссылке (Новые материалы) / Публикация В. Н. Орлова. – Декабристы и их время: Материалы и сообщения / Под ред. М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 28–89.
- Дневник 1929. Дневник В. К. Кюхельбекера: Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10–40 годов XIX века / Предисловие Ю. Н. Тынянова. Ред., введение и примечания В. Н. Орлова и С. И. Хмельницкого. Л.: Прибой.
- Долинин А. 2004. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб.: Академический проект.

- Долинин А. 2019а. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. [2-е изд.] СПб.: Symposium.
- Долинин А. 2019б. Комментарий к роману Набокова «Дар». М.: Новое издательство.
- Душечкина Е. В. 2012. Русская ёлка: История, мифология, литература. 3-е изд. СПб.: Издательство Европейского университета.
- Загидулина Т. А. 2018. Образ летчика в ортодоксальной советской литературе 30-х годов. – Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 1 (18). С. 89–92.
- Кирсанов С. 1934. «Ледяными клыками / Арктика льдину грызла...». – Огонек. № 9/10. 20 мая. С. 1.
- Клейн И. 2005. Модернизация как мобилизация: Культура СССР 1930-х годов. Беломорканал: Литература и пропаганда в сталинское время / Пер. с нем. М. Шульмана под ред. автора. – Новое литературное обозрение. № 71. С. 231–261.
- Колычев О. 1927. Котовский в Баварии. – Новый мир. № 11. С. 187–188.
- Косова Ю. В. и Кюхельбекер М. В. 1875. Вильгельм Карлович Кюхельбекер: Очерк его жизни и литературной деятельности. – Письма русских писателей 1817–1825 гг. / Сообщили Ю. В. Косова и М. В. Кюхельбекер. – Русская старина. Кн. 7. Июль. С. 333–382.
- Кюхельбекер В. К. 1967. Избранные произведения: В 2-х тт. / Вступительная ст., подготовка текста и примечания Н. В. Королевой. Т. I. М.; Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Мазур Н. Н. 1999. «Недоносок» Баратынского. – Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: ОГИ. С. 140–168.
- Михалков С. 1934. Героям. – Огонек. № 8. 20 апреля. С. 8.
- Набоков В. В. 1990. Романы. М.: Современник.
- Набоков (Сиринь) В. 1999–2000. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. СПб.: Симпозиум.
- Набоков В. 2001. Несколько слов об убожестве советской беллетристики и попытка установить причины одного / Публикация А. Долинина. – Диаспора: Новые материалы. [Вып.] II. СПб.: Феникс, 2001. С. 9–23.
- Набоков В. 2017а. Письма к Вере / Комментарии Ольги Ворониной и Брайана Бойда. Вступительная ст. Брайана Бойда. Перевод ст. и комментариев Александры Глебовской. М.: Колибри.

- Набоков В. 2017b. Советская литература в 1940 году / Публикация и пер. А. Бабилова. – Литературный факт. № 3. С. 49–59.
- Олеша Ю. 1974. Избранное. М.: Художественная литература.
- Переписка 18<9>6. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетевым / Изд. под ред. К. Я. Грота. Т. III. СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения.
- Пильщиков И. А. 1994. О «французской шалости» Баратынского. – Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. Новая серия. [Вып.] 1. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 85–111.
- Пильщиков И. А. 2004. Символика Элизия в поэзии Батюшкова. – Антропология культуры. Вып. 2. М.: Вердана. С. 86–123.
- Пильщиков И. А. 2005. О «французской шалости» Баратынского. – Тартуские тетради. М.: О. Г. И. С. 55–81.
- Письма 1954. Письма Кюхельбекера из крепостей и ссылки (1829–1846) / Предисловие и комментарии В. Н. Орлова. – Литературное наследство. Т. 59. М.: Издательство Академии наук СССР. С. 395–498.
- Письма 2017. Письма В. В. Набокова к В. Ф. Ходасевичу и Н. Н. Берберовой (1930–1939). Письмо Н. Берберовой к В. Набокову / Публикация и примечания Андрея Бабилова и Манфреда Шрубы. Вступительная ст. Андрея Бабилова. – Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge. Bd. 5. С. 217–248.
- Поэты 1919. Поэты пушкинской поры: Сборник стихов / Под ред. и со вступительной ст. Ю. Н. Верховского. М.: Издание М. и С. Сабашниковых.
- Пушкин А. С. 1949. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 16: Переписка: 1835–1837. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Розанов Ив. 1926. Поэты-декабристы: Кюхельбекер-Ленский. – Красная новь. № 6. С. 212–219.
- Савельев А. [С. Г. Шерман]. 1934. Канал. – Современные Записки. Кн. LIV. С. 421–425.
- Сочинения 1901. Сочинения А. С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики / Изд. Льва Поливанова для семьи и школы. Т. IV: Евгений Онегин. Повести. 3-е изд., без перемен. М.: [Б. и.]
- Ронен О. 2000. <Соревновательность>, антипародия, интертекстуальность и комментарий. – Новое литературное обозрение. № 42. С. 255–261.
- Толстой А. Н. 1982. Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 3: Повести и рассказы. 1917–1923. Детство Никиты. Аэлита. Ибикус. М.: Художественная литература.

- Толстая Е. Д. 2017. Два мэтра: Алексей Толстой в прозе Набокова. – Толстая Е. Д. Игра в классики: Русская проза XIX–XX веков. М.: Новое литературное обозрение. С. 478–488.
- Топоров В. Н. 1994. Встреча в Элизии: Об одном стихотворении Баратынского. – Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman. Темы и вариации: Сборник статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford: Department of Slavic Languages and Literatures. С. 197–222.
- Тренин В., Харджиев Н. 1934. Маяковский о качестве стиха. – Альманах с Маяковским / Ред. коллегия Н. Асеев, О. Брик, С. Кирсанов. М.: Советская литература. С. 257–302.
- Тынянов Ю. 1929. Архаисты и Пушкин. – Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой. С. 87–227.
- Тынянов Ю. 1959. Кюхля. – Тынянов Ю. Соч.: В 3-х тт. Т. I: Кюхля. Подпоручик Кижэ. Восковая персона. Малолетний Витушишников. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы. С. 13–324.
- Четверных Е. А. 2010. Элизийский текст в русской поэзии XIX–XX вв. Диссертация на соискание ученой степени канд. фил. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А. М. Горького.
- Шруба М. 2018. «Свой» и «чужой»: Об адъективных псевдонимах. – «Свой» vs «другой» в культуре эмиграции: Сборник статей / Ред. А. А. Данилевский, С. Н. Доценко. М.: Издательство «Наука»; Издательство «Флинта». С. 153–169.
- Щеглов Ю. К. 2009. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. 3-е изд., исправленное и дополненное. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Boyd, B. 1990. Vladimir Nabokov: The Russian Years. Princeton: Princeton University Press.
- Dolinin, A. 1997. Thriller Square and the Place de la Révolution: Allusions to the French Revolution in *Invitation to a Beheading*. – The Nabokovian. No. 38. (Spring). P. 43–49.
- Dolinin, A. 2000. Parody in Nabokov's *Despair*. – Hypertext «Отчаяние» / Сверхтекст “Despair”. Studien zu Vladimir Nabokovs Roman-Rätsel / Herausgegeben von Igor Smirnov (Die Welt der Slaven. Bd. 9). München: Verlag Otto Sagner. S. 15–42.
- Grishakova, M. 1999. On Some Allusions in Vladimir Nabokov's Works. – The Nabokovian. No. 43 (Fall). P. 18–29.

- Invitation 1997. Nabokov's *Invitation to a Beheading: A Critical Companion* / Ed. by Julian W. Connolly. Evanston: Northwestern University Press, 1997.
- Koran 1812. *The Koran; Commonly Called the Alcoran of Mohammed* / Translated from the Original Arabic, with Explanatory Notes, Taken from the Most Approved Commentators, to which is Prefixed a Preliminary Discourse by George Sale, Gent.: In 2 vols. A New Edition. Vol. I. London: Printed for J. Walker.
- Meyer, P., Trousdale, R. 2013. Vladimir Nabokov and Virginia Woolf. – *Comparative Literature Studies*. Vol. 50. No. 3. P. 490–522.
- Moore, Th. 1820. *The Works of Thomas Moore, Esq. Comprehending All His Melodies, Ballads, etc.* Second edition. Vol. I: *Lalla Rookh*. Paris: Galignani.
- Nabokov, V. 2019. *Think, Write, Speak: Uncollected Essays, Reviews, Interviews, and Letters to the Editor* / Ed. by Brian Boyd and Anastasia Tolstoy. New York: Alfred A. Knopf.
- Pushkin, A. 1990. *Eugene Onegin. A Novel in Verse: In 2 vols.* / Translated from the Russian, with a Commentary by Vladimir Nabokov. Vol. II. Princeton: Princeton University Press.
- Ronen, O. 2015. Emulation, Anti-Parody, Intertextuality, and Annotation. – *The Joy of Recognition: Selected Essays of Omry Ronen* / Ed. by Barry P. Scherr and Michael Wachtel. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications. P. 263–273.
- Shapiro, G. 1998. *Delicate Markers: Subtexts in Vladimir Nabokov's Invitation to a Beheading*. New York: Peter Lang.

REFERENCES

- Alekseev, M. P. *Russko-angliiskie literaturnye sviazi (18 vek – pervaiia polovina 19 veka)*. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 91. Moscow: Nauka, 1982.
- Annenkov, Iu. *Dnevnik moikh vstrech: Tsikl tragedii*. Vol. 1. New York: Mezhdunarodnoe literaturnoe sodruzhestvo, 1966.
- Averchenko, A. *Sinee s zolotom*. Petrograd: Izdanie tovarishchestva “Novyi Satirikon”, 1917.
- Baratynskii, E. A. *Stikhotvoreniia. Poemy*. Compiled and edited by L. G. Frizman. Moscow: Nauka, 1982.
- Boyd, B. *Vladimir Nabokov: The Russian Years*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- . *Vladimir Nabokov: Russkie gody. Biografiia*. Translated by Galina Lapina in collaboration with the author. Moscow and Saint-Petersburg: Izdatel'stvo “Nezavisimaia Gazeta” & Izdatel'stvo “Simpozium”, 2001.

- Chetvernykh, E. A. *Eliziiskii tekst v russkoi poezii 19–20 vv.* Ph. D. equivalent diss., Ural'skii gosudarstvennyi universitet im. A. M. Gor'kogo, 2010.
- Orlov, V. N. "V. K. Kiukhel'beker v krepostiakh i v ssylke (Novye materialy)." In *Dekabristy i ikh vremia: Materialy i soobshcheniia*. Edited by M. P. Alekseev and B. S. Meilakh, 28–89. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951.
- Kiukhel'beker, V. K. *Dnevnik V. K. Kiukhel'bekera: Materialy k istorii russkoi literaturnoi i obshchestvennoi zhizni 10–40 godov 19 veka*. Edited and annotated by V. N. Orlov and S. I. Khmel'nitskii. Foreword by Iu. N. Tynianov. Leningrad: Priboi, 1929.
- Dolinin, A. "Thriller Square and the Place de la Révolution: Allusions to the French Revolution in *Invitation to a Beheading*." *The Nabokovian* 38 (Spring 1997): 43–49.
- . "Parody in Nabokov's *Despair*." In *Hypertext "Otchaianie" / Sverkhstekst "Despair": Studien zu Vladimir Nabokovs Roman-Rätsel*. Edited by Igor Smirnov (*Die Welt der Slaven*. Bd. 9), 15–42. München: Verlag Otto Sagner, 2000.
- . *Istinnaiia zhizn' pisatel'ia Sirina: Raboty o Nabokove*. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 2004.
- . *Istinnaiia zhizn' pisatel'ia Sirina: Raboty o Nabokove*. 2nd ed. Saint-Petersburg: Symposium, 2019.
- . *Kommentarii k romanu Nabokova "Dar"*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2019.
- Dushechkina, E. V. *Russkaia elka: Istoriia, mifologiiia, literatura*. 3rd ed. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2012.
- German, Iu. *Podpolkovnik meditsinskoi sluzhby. Nachalo. Butsefal. Lapshin. Zhmakin. Vospominaniia*. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otделение, 1980.
- Günter, H. "Stalinskie sokoly (analiz mifa 30-kh godov)." *Voprosy literatury* 11–12 (1991): 122–41.
- . "Arkhetipy sovetskoi kul'tury." In *Sotsrealisticheskii kanon*. Edited by H. Günter and E. Dobrenko, 743–84. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000.
- Grishakova, M. "On Some Allusions in Vladimir Nabokov's Works." *The Nabokovian* 43 (Fall 1999): 18–29.
- . "O nekotorykh alliuziakh u Vladimira Nabokova." In *Kul'tura russkoi diaspory: Vladimir Nabokov – 100. Materialy nauchnoi konferentsii (Tallinn–*

- Tartu, 14–17 ianvaria 1999*). Edited by I. Belobrovtsseva and A. Danilevskii, 119–34. Tallinn: TPÜ Kirjastus, 2000.
- Kirsanov, S. “Ledianymi klykami / Arktika l’dinu gryzla...” *Ogonek* 9/10 (May 20, 1934): 1.
- Kiukhel’beker, V. K. *Izbrannye proizvedeniia*. 2 vols. Edited and annotated by N. V. Koroleva. Vol. 1. Moscow and Leningrad: Sovetskii pisatel’. Lenin-gradskoe otdelenie, 1967.
- Klein, I. “Modernizatsiia kak mobilizatsiia: Kul’tura SSSR 1930-kh godov. Belomorkanal: literatura i propaganda v stalinskoe vremia.” Translated by Mikhail Shul’man in collaboration with the author. *Novoe literaturnoe obozrenie* 71 (2005): 231–61.
- Kolychev, O. “Kotovskii v Bavarii.” *Novyi mir* 11 (1927): 187–88.
- The Koran; Commonly Called the Alcoran of Mohammed*. Translated from the Original Arabic, with Explanatory Notes, Taken from the Most Approved Commentators, to which is Prefixed a Preliminary Discourse by George Sale, Gent. A New Edition. 2 vols. Vol. 1. London: Printed for J. Walker, 1812.
- Kosova, Iu. V. and Kiukhel’beker, M. V. “Vil’gel’m Karlovich Kiukhel’beker: Ocherk ego zhizni i literaturnoi deiatel’nosti. – Pis’ma russkikh pisatelei 1817–1825 gg.” *Russkaia starina* 7 (July 1875): 333–82.
- Mazur, N. N. ““Nedonosok’ Baratynskogo.” *Poetika. Istoriiia literatury. Lingvistika. Sbornik k 70-letiiu Viacheslava Vsevolodovicha Ivanova*, 140–68. Moscow: OGI, 1999.
- Meyer, P. and Trousdale, R. “Vladimir Nabokov and Virginia Woolf.” *Comparative Literature Studies* 50, no. 3 (2013): 490–522.
- Mikhalkov, S. “Geroiam.” *Ogonek* 8 (April 20, 1934): 8.
- Moore, Th. *The Works of Thomas Moore, Esq.* Comprehending All His Melodies, Ballads, etc. 2nd ed. Vol 1, *Lalla Rookh*. Paris: Galignani, 1820.
- Nabokov, V. V. *Romany*. Moscow: Sovremennik, 1990.
- Nabokov (Sirin), V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda*. 5 vols. Saint-Petersburg: Simpozium, 1999–2000.
- Nabokov, V. “Neskol’ko slov ob ubozhestve sovetskoi belletristiki i popytka ustanovit’ prichiny onogo.” Published by A. Dolinin. In *Diaspora: Novye materialy*. Vol. 2, 9–23. Saint-Petersburg: Feniks, 2001.
- . *Pis’ma k Vere*. Annotated by Ol’ga Voronina and Brian Boyd. Introduction by Brian Boyd. Translated by Aleksandra Glebovskaia (annotations and introduction). Moscow: Kolibri, 2017.

- . “Sovetskaia literatura v 1940 godu.” Published and translated by Andrei Babikov. *Literaturnyi fakt* 3 (2017): 49–59.
- . *Think, Write, Speak: Uncollected Essays, Reviews, Interviews, and Letters to the Editor*. Edited by Brian Boyd and Anastasia Tolstoy. New York: Alfred A. Knopf, 2019.
- Nabokov, V. V. and Berberova, N. “Pis'ma V. V. Nabokova k V. F. Khodasevichu i N. N. Berberovoi (1930–1939). Pis'mo N. Berberovoi k V. Nabokovu.” Published and annotated by A. Babikov and M. Schrubá. Introduction by A. Babikov. *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge* 5 (2017): 217–48.
- Nabokov's Invitation to a Beheading: A Critical Companion*. Edited by Julian W. Connolly. Evanston: Northwestern University Press, 1997.
- Olesha, Iu. *Izbrannoe*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1974.
- Orlov, V. N. “Pis'ma Kiukhel'bekera iz krepostei i ssylki (1829–1846).” In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 59, 395–498. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954.
- Perepiska Ia. K. Grota s P. A. Pletevym*. Edited by K. Ia. Grot. Vol. 3. Saint-Petersburg: Tipografiia Ministerstva Putei Soobshcheniia, 1896.
- Pil'shchikov, I. A. “O ‘frantsuzskoi shalosti’ Baratynskogo.” In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii: Literaturovedenie. Novaia seriia*. Vol. 1, 85–111. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1994.
- . “Simvolika Eliziia v poezii Batiushkova.” In *Antropologiiia kul'tury*. Vol. 2, 86–123. Moscow: Verdana, 2004.
- . “O ‘frantsuzskoi shalosti’ Baratynskogo.” In *Tartuskie tetrady*, 55–81. Moscow: O. G. I., 2005.
- Poety pushkinskoi pory: Sbornik stikhov*. Edited and introduced by Iu. N. Verkhovskii. Moscow: Izdanie M. i S. Sabashnikovykh, 1919.
- Pushkin, A. S. *Sochineniia A. S. Pushkina s ob'iasnieniiami ikh i svodom otzyvov kritiki*. Compiled by Lev Polivanov. 3rd ed. Vol. 4, *Evgenii Onegin. Povesti*. Moscow: [n. p.], 1901.
- . *Polnoe sobranie sochinenii*. 16 vols. Vol. 16, *Perepiska: 1835–1837*. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949.
- Pushkin, A. *Eugene Onegin: A Novel in Verse*. 2 vols. Translated from the Russian, with a Commentary by Vladimir Nabokov. Vol. 2. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- Ronen, O. “<Sorevnovatel'nost'>, antiparodiia, intertekstual'nost' i komentarii.” *Novoe literaturnoe obozrenie* 42 (2000): 255–61.

- . “Emulation, Anti-Parody, Intertextuality, and Annotation.” In *The Joy of Recognition: Selected Essays of Omry Ronen*. Edited by Barry P. Scherr and Michael Wachtel, 263–73. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2015.
- Rozanov, Iv. “Poety-dekabristy: Kiukhel’beker-Lenskii.” *Krasnaia nov’* 6 (1926): 212–19.
- Savel’ev, A. [S. G. Sherman, pseud.]. “Kanal.” *Sovremennye Zapiski* 54 (1934): 421–25.
- Shapiro, G. *Delicate Markers: Subtexts in Vladimir Nabokov’s Invitation to a Beheading*. New York et al.: Peter Lang, 1998.
- Shcheglov, Iu. K. *Romany Il’fa i Petrova: Sputnik chitatelia*. 3rd ed. Saint-Petersburg: Izdatel’stvo Ivana Limbakha, 2009.
- Schruba, M. “‘Svoi’ i ‘chuzhoi’: Ob ad’ektivnykh psevdonimakh.” In “‘Svoi’ vs ‘drugoi’ v kul’ture emigratsii: Sbornik statei.” Edited by A. A. Danilevskii and S. N. Dotsenko, 153–69. Moscow: Izdatel’stvo “Nauka” & Izdatel’stvo “Flinta”, 2018.
- Tolstaia, E. D. “Dva metra: Aleksei Tolstoi v proze Nabokova.” In *Igra v klassiki: Russkaia proza 19–20 vekov*, 478–88. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
- Tolstoi, A. N. *Sobranie sochinenii*. 10 vols. Vol. 3, *Povesti i rasskazy. 1917–1923. Detstvo Nikity. Aelita. Ibikus*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982.
- Toporov, V. N. “Vstrecha v Elizii: Ob odnom stikhotvorenii Baratynskogo.” In *Themes and Variations: In Honor of Lazar Fleishman. Temy i variatsii: Sbornik statei i materialov k 50-letii Lazaria Fleishmana*, 197–222. Stanford: Department of Slavic Languages and Literatures, 1994.
- Trenin, V. and Khardzhiev, N. “Maiakovskii o kachestve stikha.” In *Al’manakh s Maiakovskim*. Editorial board: N. Aseev, O. Brik, S. Kirsanov, 257–302. M.: Sovetskaia literatura, 1934.
- Tynianov, Iu. 1929. “Arkhaisty i Pushkin.” In *Arkhaisty i novatory*, 87–227. Leningrad: Priboi, 1929.
- Tynianov, Iu. *Kiukhlia*. In *Sochineniia*. 3 vols. Vol. 1, *Kiukhlia. Podporuchik Kizhe. Voskovaia persona. Maloletnii Vitushishnikov*, 13–324. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury.
- Vatsuro, V. E. *Lirika pushkinskoi pory. “Elegicheskaia shkola”*. Saint-Petersburg: Nauka, 1994.
- Zagidulina, T. A. “Obraz letchika v ortodoksal’noi sovetskoi literature 30-kh godov.” *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia* 18, no. 1 (2018): 89–92.